

Морозно. Февраль. Я и тридцать «ментов удачи» меняем закивших, засидевшихся здесь обитателей. Прежний командир – копия Швейка. В подсушиках, бравый, слегка опохмелённый. При упоминании о пиве и сосисках передёргивается всем телом, нервно вибрируя левой щекой: тик.

– Тёплая постелька, кашка зашибись... – всем своим видом он уже в пути.

К обеду хозяйство принято. Краткий традиционный «фуршет». И вот:

– По машинам! – командует Швейк, и мне, уже почти с подножки: – Передавать так всё с потрохами, старик. В Мречетове третий дом от дороги – подруга. Настоящее имя – чёрт его разберёт. Проще – Лика. Только от соседей... Ну сам понимаешь... У них с этим строго. Кстати, южане о твоём назначении раньше меня знали. Фамилию, там, звание, возраст... Ну это так, информация к размышлению. Удачи!

Швейк отворачивает лицо. Скрежет сцепления, мотор. И караван исчезает в степи, оставляя нам право войны и сырое тепло прокуренных кубриков за бетонными блоками форта.

* * *

Следующие два дня – рекогносцировка. Это по-военному. Проще – осматриваемся. Граница в трёхстах метрах, по лесополосе со вром почти в человеческий рост.

Выезд манёвренной группы, ночные дозоры, секреты, как продолжение детской «войнушки». Только пожары вдали и выстрелы настоящие. И ещё – ненависть. Прицельная. Южная. Скрытая. Явная. В рукопожатиях. Взглядах. Во всём...

А степь удивительна здесь. Всколмлённая. С полубарханными выбросами песка. Шаг-два – и впадина, да такая, что танк укроется – не заметишь. Озёра – блюдцами, холодные, мелкие, с множеством уток. А у перелесков и одичалых лесополос редко когда не выскочит из-под ног заяц, лиса ли, не вспорхнёт куропатка.

Вместилище запахов – травы. Зимние, неживые ещё, а солнце пригреет – и млеют: душица, чабрец, коктейль ароматов – полынь. И всё это словом одним – буруны. В точку, точнее не скажешь.

* * *

Ближайшее селение южан – Мречетово. Полсотни домов, из которых жилых половина от силы. Кругом запустение, грязь. Многие окна в бурых ресницах – следы огня.

У крайнего дома южанин с внушительным, хищно завернутым носом копается в тракторе. На дверце и задней части кабины пулевые следы, в разводах облупленной краски – свежие. Южанин всем своим видом выказывает к нам полное равнодушие, и только в нарочито небывстрых движениях его угрюмая нервность.

Входим в селенье. Ощущенье вхождения в зону прицела. Со мной трое из тридцати – самых отчаянных. Готовность убить, о которой так долго твердили на «курсах войны», – для них «не барьер». С ними надёжно.

Третий дом с краю. Я помню... Но сразу нельзя. В одной из обжитых хатёнок пожилой хитроватый хозяин приглашает на чай. «Спасибо. Не надо. Кто в доме?»

– Жёны мои, – чешет в затылке.

Заходим. Действительно – две женщины. Старшая смотрит презрительно, с вызовом,

младшая – мягче, с усмешкой (как выясняется потом – горная снайперша). В некрашеной мебели, в серых коврах – чужая неясная жизнь.

Оборачиваюсь к вошедшему следом мужчине:

– А молодёжь где? Воюет?

– Скажу «нет», командир, не поверишь.

Промолчу, можно?

Прощаясь, протягивает руку. Пытаюсь не заметить, но в последний момент отвечаю коротким пожатием.

Третий дом с краю... Неуютность облупленных стен. Во дворе одинокое дерево, облупленное у корня.

– Здесь ждите, – не узнавая свой голос, почти чревоуещая. Три тени отходят в сторону. Скалясь, закуривают.

Грузная дверь. Небольшая прихожая. Кухня. И комната с низким окном. Ковёр на полу. На полках и просто в углу – книги... Гамсун, Набоков, Рембо...

– С обыском или в гости?

Оглядываюсь. Близко на низкой тахте сжатой пружины – женщина-кошка. Колени у глаз.

– Лика?

– Да.

– Лика.

– Что?

Некрасива, а впрочем, довольно мила. Губы тонковаты.

– Времени мало... Я ночью...

– Не стоит. Ночью я к озеру выйду.

– Обманешь.

– Зачем? Ты же снова... Знаю... Инстинкт...
основной... – усмешка.

– И всё же...

– Да, – тихо, одними губами.

* * *

С наступлением сумерек, проверив наряды и отдав обычные распоряжения, по возможности незаметно выбираюсь из форта. Наряд на вышке, конечно, в курсе. Ночное движение в зоне обстрела опасно. У приграничного рва, досылая патрон в патронник, оглядываюсь. В слепящих, светящихся коль-

цах прожекторов форт кажется кораблём пришельцев.

Вот и озеро. Собственно, это даже не озеро, а удлинённая сигарообразная лужа с дёготно-чёрной водой и поросшими камышом топкими берегами.

Безветрие, и шелест камыша странен.

Отыскиваю место посуше и, по возможности, удобное для обзора. Усталость последних дней тяжелит веки. Иголочки нервов в ногах и спине. Напротив – осколок дороги. Ближняя и дальняя её части за бурунами. Зеваю. Бодруюсь. Не уснуть бы. Вглядываюсь в часы, но стрелок не различить. И вообще неуютно... Основной инстинкт? Основной инстинкт. Под пальцами холод оружия. Тень на дороге. Она? Не она? Замирает...

– Лика?..

Она. В мужской камуфляжной куртке. Ближе. Медленными шагами, как к эшафоту. Вот и лицо различимо, тонкие губы в помаде.

– Не верил?..

– Не знаю...

О чём говорить? Ведь непременно же надо о чём-то! О римлянах древних, к примеру, легионерах... Но рядом, сквозь одежду – движение её плеч, и это заводит.

– К тебе?..

– Нет! Не сегодня... Не надо...

– К чёрту «не надо»!

Пуговицы. Бессчётное множество пуговиц. Плечи... И тёплая грудь.

– Холодно... – губы дрожащие, тонкие, с привкусом мяты.

* * *

Зачистка. Нас перебрасывают в чужую «зону ответственности». В незнакомых селеньях – безопасней и легче. Едем «на броню» приданного БТРа. Наш «Урал» неуклюжей железной коровой пристроился сзади. Прохладный утренний ветер скользит по лицу, вбираясь за воротник. Прикрываю глаза и чувствую, как медленно вязну в трясине какого-то оцепенения меж явью и сном. И вот уже – явь не явь, а маленький северный город, и в нём моя мама, совсем молодая, у серого облупленного подъезда хрущёвской

пятиэтажки. И рядом, значит, должен быть я, в берете, в болоньевом белом плаще по моде «шестидесятых». За плечами ранец. Я – перwokлассник. Отец фотографирует, смеётся: «Эй, спичка, глаза в объектив!..» Отца давно уже нет. А мама всё в той же «хрущёвке». Одна.

Вот и селенье южан. БТР притормаживает так резко, что кто-то из вперёдсмотрящих едва не улетает под колёса: «К машине!» Мои «головорезы» и приданные силы ВВ, весело переругиваясь, сыплются с «брони», разбираясь в шеренги. Краткая постановка задачи, и через пару минут: «Вперёд!»

Намеренно или намеренно-случайно в домах южан всё ставится с ног на голову. Хрупкое – разбивается, сыпучее – рассыпается, ценное – исчезает. Вначале пытаюсь препятствовать. Но скоро понимаю, что видимость порядка – лишь в зоне моего присутствия. На улице подходит улыбчивый «старлей» – командир ВВ:

- Первый раз на зачистке?
- Угу, – мычу вполоборота, обсуждать это с кем бы то ни было как-то не хочется.
- Ну и... впечатление?
- ... (перехожу на ненормативную лексику).
- И зря! Эти зачистки – единственное средство заставить их убраться отсюда. В горы. За реку. К ё... матери! Куда угодно!..

Он прав. Без сомнения, прав. И жалости к южанам у меня нет. И всё же...

В одном из ближних дворов – крики, возня. Что там?.. Навстречу мой старшина. Его костистые руки с засученными, несмотря на февраль, по самые подмышки рукавами, победно потрясают обрезом.

– Нашли, нашли, командир! Вот!.. И патроны к нему!

Обладателя обреза выволакивают следом. От страха глаза его мертвенно-неподвижны. Он молод. Лет восемнадцать от силы. Какой-то солдатик из приданных резко, почти без замаха, суёт ему кулаком в лицо.

- Ты вчера в наших стрелял, собака!
- Встаю между ними.
- Из ружья стреляли, командир! – «приданная сила» лягает ногой упавшее тело.

– Разберутся! – ору, не молчать же... Господи, сам-то хоть верю? Мальчишку, скорей всего, перекупят.

Рядом уже другое лицо. Женщина. Перекривленный рот. Что-то кричит, без конца повторяя: «Ца-ха!». Брызжет слюной. Мать. Старики в высоких шапках поодаль качают головами. Китайские болванчики. Из перебитого носа задержанного кровь быстрой струйкой стекает ему на грудь. Красное пятно всё больше...

– Уберите его! – я... или кто-то? Крик или шёпот?..

Парня заталкивают в машину. Хлопает дверца. Женщина, встав на колени и воздев руки к небу, безумно вопит... Потом, как в дурном представлении, оседает в дорожную грязь. Через несколько минут, отъезжая, вижу её в той же позе. Грязные щупальца пальцы царапают землю.

На отшибе ещё один дом. Последний. В хозяине – сдержанность. Вежливость страха. Сын взрослый: «Где-то на пастбище». В одной из комнат – спортзал. Силовые, сработанные вручную, станки – дерево и железо. На подоконнике «магнитофон-батон», кассеты рядом. Вставляю одну за другой. Ритм боевых барабанов. Мотив одинаков. На земляном полу – одноразовые шприцы. Инъекции кайфа и мужества. Быт молодого южанина. Самый обычный. На выходе прихватываю сборную гантелину из нержавеющей стали. Военный трофей. Последний и первый.

* * *

Темнеет. Пора возвращаться, но пара глотков разведённого спирта и Лика ломают реальность.

В квадрате окна коптящий огонь далёких нефтяных скважин. Два факела-близнеца, приближенных ночью.

- Неужели всё это действительно с нами? – шевелятся тонкие губы. – Не странно тебе, что ты вообще здесь, в этом чудном, неясном для тебя настоящем, и что ты пришёл сюда убивать и, может быть, быть убитым.
- Об этом... Зачем?

– О чём же? О сексе? О «Фаусте» Гёте? Репарке?..

– Хотя бы. Эрих-Мария неисчерпаем...

Улыбнувшись, она прижимается ближе.

– Знаешь, а я полукровка.

– И тебе это нравится? – по-моему, я пьян (вопрос странен).

– Не то чтобы... Просто я сама не могу понять, кто я.

Она говорит, но друг-алкоголь уютной волной делает слух мой всё больше прозрачным. Что ж, говори... Приятно, что рядом. И даже не кто-то... А именно... Кто? Полукровка? Понятно. Учила словесности? Что ж?.. Но школы здесь нет. Даже начальной. Родные и близкие... Где они? Мне всё равно... Просто... Случайно и просто... Одна...

Но если ещё... на час... полтора – в форте сыграют тревогу.

Пора!

– Лика.

– ...

Руки змеиным кольцом: «Не уходи!» Скажет? Не скажет?

Нет. Распадаются руки.

Два факела-близнеца провожают до форта.

* * *

У соседей ЧП. Расстреляна группа дозора. Четверо. Днём. Не ночью. В насмешку их сложили крестом. Двое с контрольными выстрелами. Судя по повреждениям автомашины, били из нескольких точек. Одновременно.

До вечера «по тревоге» утюжим окрестности. Никого, кроме нескольких чабанов. И те разыгрывают полоумных. Сдохнут скорее, чем что-то расскажут.

Небо над нами песчаное, тихое. Бог?.. Если он есть, конечно... Кажется, в жёлтой светящейся взвеси этого неба не выжить... Даже ему.

– Командир, – кричит мне водитель, – солжары по счётчику ноль! На базу пора. Или самих нас тут грохнут.

Киваю: «На базу».

В форте до странного тихо. Без вечернего гогота и матерного гула из кубриков. Прохо-

жу к себе и, не зажимая света, сизую, уперевшись глазами в завешенное газетой окно. У нас без потерь. Пока без потерь. Пока... Удалили в рельсу. К ужину.

В столовой тепловатый чай – залпом. И на территорию. Холодная, приторная темнота охватывает без остатка. Мгновение смерти такое же чёрное, вязкое, верно...

– «Тиха украинская ночь...»

Вздрагиваю, отступая на пару шагов. Футь!.. Радист. Приданная сила. Из Питера. Чувствую перегар.

– Пьян, Меленчук?

– Не, пиво только...

– Зае... ты со своим пивом, слышишь? Завтра же в штаб... Там пусть решают...

– Ребята погибли... За что?!

– Это война...

– Отвянь, командир! – и дальше фальцетом: – Ну завтра, что хочешь! Хоть в штаб, хоть в... Хоть режь, хоть стреляй! Но дай одному... одному побыть дай!

Будь. Хрен с тобой. Отхожу, унимая нарастающее в груди клокотанье. Обостряют глупо.

* * *

Ночь, и огромные птицы над фортом. Белые пятна в прожекторном свете. Сонные крики то тише, то громче. Время проверки нарядов. Зябко, ещё и туман. Выхожу на бугристый, выложенный кирпичом «плацпятачок» и замираю, закинув голову.

– Опять гуси-лебеди, – преувеличенно бодро орёт постовой с вышки, – вторую ночь...

Поднимаюсь к нему. Наверху ещё холодной. Птицы совсем близко. Кольцо их то уже, то шире. Вееры-крылья, и кажется: холод от них. Гуси – не гуси?.. Вскидываю автомат и одиночными – долго и часто...

– Есть! – кричит постовой. И сразу же тяжкое тело о землю. – Есть!

Внизу, в вагончиках, быстро затихающая возня. Кто-то из наряда тянет птицу к свету. Венценосный журавль. Венчик – корона. Красная книга.

Протягиваю руку, раненая птица пребольно клюёт в запястье... «Вы убиваете птиц.

Зачем вы убиваете птиц?» Это откуда?.. Абсурд...Театр Ионеску?.. Белые птицы...

* * *

Лица. Полузакрытые глаза. Волосы распущены. «Нет водки. Водки нет», – шепчет.

– Лица, я журавля убил.

– Зачем?

– Не знаю... Он странный. Чудной, большекрылый. Скорей, альбатрос из Бодлера. Только без моря.

– С хандрой и матросами. Матросы – твои автоматчики. Ради бога, не трогай литературу. Лучше скажи – здесь, у меня, ты поэтому?

– Да.

– Нет водки, прости.

* * *

Нет журавлей. Пусто над фортом. Главная новость – волки. В горах бои, и обнаглевшие, объевшиеся мертвечиной звери пришли в буруны. Ночью они обступают форт и воют. Тягуче... Самозабвенно... Соло по очереди или хором – на несколько голосов. К утру исчезают. «Взять» волка заманчиво. Уж тут чабаны не скупятся, сразу барана, а то и двух, хочешь – под нож, хочешь – так бери... Наряд с вышки, нет-нет, постреливает.

– Не волки, оборотни какие-то, – снайпер Володя щурится в оптику. – Вроде выцеливаю...

Володя – снайпер-фанатик. Его СВД – игрушка. На выездах он пеленает её, как младенца. То, что над этим смеются, ему безразлично. Спокойный и тихий, с доверчивым мягким взглядом, даже и выпьет – ни лишнего слова. И зарубок на прикладе у него нет – не в характере. Сколько их было бы?.. Вспомнит ли всех?..

* * *

– «Я помню, я помню, носились тучи по небу, жёлтому, как новая медь...»

– Совсем, как сегодня. Почему Гумилёв?

– Предчувствие трагедии у него – высшая мера. В конечном счете, выше самой трагедии. И, может быть, выше поэзии...

– Выше поэзии ничего нет. У Гумилёва уж точно. Он странно мне близок. Особенно его «Заблудившийся трамвай». Мороз по коже.

– А «Жираф»?

– Красиво, но как-то слишком... Ты был женат?

– Это что-то изменит?

– Был, значит?

– Как-то давно, студентом ещё, провожал одну даму. Из ресторана. Только что познакомились. Идём, болтаем, а у меня одно в голове: как бы в общагу её затащить. Дама роскошная – в золоте, в норковой шубе. А тут – в общагу, с клопами и пьяными «разборками» в коридорах. Вдруг слышу – догоняет нас кто-то, издали что-то кричит. Остановились. Я и понять ничего не успел, но чувствую – губы вдребезги. Ну и в ответ ему... И, видно, удачно – смотрю, он уже на асфальте. И всё же потряс он меня... Сознание фрагментами – фары, спящие справа и слева... Дама моя по середине дороги... руками размахивает, такси тормозит...

На заднем сидении, крахмальным платочком стирая мне кровь:

– А кто это, знаешь?

– И кто же? – глотаю солоноватый комочек, – Мохаммед Али?..

– Муж мой, – и дикая гордость в глазах.

В общагу мы тогда не попали, слонялись по городу, сидели в гостях у подружки её, такой же ухоженно-нежной – в банном халатике... Где-то ещё... Потом как-то встретил её... С мужем, похоже. Под ручку. Узнала, конечно...

– К чему эта притча?

– Так... Просто... О браке...

– О браке, о драке, – смеётся. – А завтра весна... Ты чувствуешь – завтра...

* * *

Жёлтое солнце и ветер. Март. Вощёным паркетом трава на склонах.

Прихватив ружьишко (АК за спиной), спешу на озёра. Птицы на них и зимой вдосталь, теперь-то и вовсе. Пора перелёта. Подкрадываюсь долго, почти ползком. Ломкий кустар-

ник карябает руки. Грязный болатный пух облепляет одежду, летит под брюки и в рот, колет в носу. Ох, не сдержусь же!

– А-чи! – чих мой лучше всякого выстрела поднимает на воздух утиное братство. Всё, без остатка. Вот это подкрался! С досады «луплю» в уходящую, свистящую крыльями стаю. Без толку. Столько усилий!

Продуваю стволы. Заряжаюсь. Левый – «нулями» на зайца, правый – картечью – «на что покрупней». Напрямую до форта километра четыре, лесом все шесть, но дичи в лесу поболее.

На севере лес как лес. Вошёл – и с концами, как в море. А здесь – островками, смурной и колючий. Чужой. Карельские ламбы и ельники мрачные – ближе. Но что это? Что?.. Копытная дробь. Всадники? Сколько их? Распластываясь, вжимаюсь в землю. Топот отчётливый, тяжкий. Почти на меня. Вот... И в бурном просвете движение голов. Человека и лошади. Лишь на секунду... Что-то ещё?.. Заметил меня?.. Медленно упираю приклад в плечо. Вот он!.. На мушке. Шапка из кожи мехом вовнутрь. Сдвоенный выстрел. Всадник – тряпичная кукла, вскинув руками – в траву. Выдох и вдох. Встаю на колени. В горле пульсации крови... Нет! Никого! Значит, один? Глохнут удары копыт. Тише и тише. Лошадь уходит. С дрожью в коленях – к нему. Вновь заряжаюсь: может быть... ранен? Только бы не легко. Что это бьёт по лопаткам? АК?.. Господи, совсем же забыл про него! Вроде бы здесь. Или подальше? Да! В задранный куртку болатного цвета – ничком. След по траве. Полз? Вероятно. Но... может быть, жив?! Жду. В спину стволами. Не дышит...

Где же оружие? Где?.. Нет?.. Просто пастух?..

Переворачиваю тело. Горбоносое, заросшее ржавой бородкой лицо. Примерно мой сверстник. Под глазом, слегка приоткрытым, тёмная точка. Такая же, с тонким кровоподтёком – на шее. Подрагивающими руками расстёгиваю куртку и рубаху. Грудь и живот целы. От прикасаний к тёплой одежде мутит. Значит, в лицо и в шею...

В форте: «Старший наряда, ко мне!» Через минуту слушаю обстановку:

– Не появлялись... Не было... На связь регулярно... Отдыхающая смена после бани просит... Из их же запасов... Бутылочку...

(Ладно... Бог даст – не напьются.)

– В пределах...

– Понял... В пределах... Ещё...

Обрываю:

– Свободен.

Сунув под бушлат сапёрную лопатку, спешу – к рыжебородому...

Успеть до темна бы...

* * *

Оружие у южан в «схронах». Пастух у такого схрона уже не пастух, а вольный стрелок.

Кто ты, рыжебородый?..

* * *

«Всё лучшее – генералам!»

В штабе суета сует. «Генерал Горлодав!» – изо всех углов. «Гор-ло-дав! Гор-ло-дав!» – у бака с объедками полаивают собаки. «Гор-лодав!» – с голых тополей откликаются им грачи.

В штабе не в форте – цивилизация. Женские лица по кабинетам.

– Развелось генералов! Мёдом им тут намазано, что ли? – командир сводного отряда Балдасов не скрывает мрачности. – По линии постов... Никого не пропустит... Сон и всякие там выезды отменяю, сидеть на местах и ждать – длиннющие пальцы его музыкально колотят об стол. – Особенно «пятёрки» и «тройки» касается, вечно у вас там спят или сопли жуют...

«Пятёрка» и «тройка» – наши соседи. На «тройке» командир совсем мальчишка. Вид у него классически лопухого второгодника. Если из его «русского устного» убрать нецензурную брань, «великий и могучий» сожмётся до уровня междометий. К тому же он заикается и подчинённых своих иначе как «мои ху-хун-венбины» не называет. Командир «пятёрки», Петрович, полная ему противоположность. Во-первых, он стар свыше всяких

пределов, а во-вторых, «выражается» редко. Недавно его наряд остановил мотоциклиста-южанина. Документы были в порядке, а на вопрос: «Что в люльке?» – тот, не спеша, достал из неё АК и полоснул проверяющих очередью... По счастью, не на смерть, но Петрович с тех пор в бессрочной опале.

– ...Поэтому не знаешь, какой сержант тебя уволит, – завершает совещание Балдасов.

* * *

Генерал действительно решил прокатиться по всей линии. Моя задача – сопроводить его от подконтрольной нам промежуточной вышки через форт до следующей «высотки». А вот и он... Меж двух пропылённых и мятых узикув джип его, удивительно резкого красно-вишнёвого цвета, кажется причудливым украшением, свалившимся в буруны неизвестно откуда. Скрип тормозов, хлопки дверей. Генерал невысок, но широкой кости, с лицом угрюмо-бульдожьим.

– Как служба, сынок? – спрашивает неожиданно добродушно.

Сынок – это я. Рапортую. «Ем глазами...» Вид у меня, похоже, в полном соответствии с бессмертным петровским указом – «лихой и придурковатый».

– Ну-ну, – усмехается Горлодав, протягивая руку. Ладонь у него горячая, пухлая, но не вялая. (К людям с вялым рукопожатием у меня необъяснимая антипатия.) – На вышке-то почему никого?..

– Опасно, товарищ генерал. Качается... Как ветер – особенно...

Вышка – чугунная труба со скобами-ступенями внутри и дощатым «гнездом» наверху. В дурную погоду она раскачивается так, что наряды, несущему на ней службу, думать о чём-то, кроме своей безопасности, едва ли возможно.

– А я ведь предупреждал – постового наверх! – из-за спины генерала выныривает штабная личность.

– Показуха это, товарищ генерал. На вышке небезопасно. Болтов в основании где нет, где проржавели насквозь, – выступает вперёд Балдасов, из длиннющих своих паль-

цев скрытно сворачивая мне кулак. – Сейчас ветерок небольшой, но если хотите, товарищ... Попробуйте сами... – перст его картинно вытягивается в сторону вышки.

– А что?! – пышная фигура штабиста исчезает в трубе.

Впрочем, наверху она так и не появилась. После недолгой возни выныривает обратно:

– Ступени не все... И вообще, грязно там, товарищ генерал. Гадят негодяи! – штабист елозит подошвой о землю. – Минируют!

– Ты что же это, Балдасов... Гвардию мою под откос? Ох, и змей, – басит Горлодав и вдруг взрывается смехом, – ох, ох-х... ох и развлёк же! Суп отдельно, мухи отдельно... И показуха тоже! Ох-х!.. Однако, пора. Разборы полётов потом. – Суровеет.

Все по местам. Согласно субординации. Джип – генералу. Мне старый «Урал». До следующей «вышки» я впереди... Так-то!.. Всё лучшее – никому.

* * *

Разборы полётов. Командир «пятёрки», Петрович, уволен. («Да вы охренели! Проспать генерала!») Балдасову – выговор, ну и т.д.

* * *

– Лика.

– Что?.. Говори, наконец! Что-то новое?..

– Да. Скоро уеду.

– Скоро – когда?

– Несколько дней.

– Мне... плакать?

– А сможешь?

– Конечно.

– Знаешь, сегодня мне хочется верить... где-то, когда-то... ты – рядом...

– Забавно. И я бы тебя удержала?

– Не знаю...

– Странно. В каких-то несчастных двухстах километрах отсюда люди не знают войны. А мы?.. Там в этом мире мы станем чужими.

– А здесь?

– Здесь?.. Лучше не надо... Не спрашивай...

Правда, сейчас разрыдаюсь, – смеётся.

– А ты? Как же ты?

– Не важно. «Что с нами будет, подумать ужасно...» Сейчас хорошо. А завтра?.. Какая разница... Ехать мне куда... да и не на что, кстати.

– А если бы?..

– Если?.. Отстань. Обними.

* * *

Ночью подошли бензовозы. Огромная колонна урчащим левиафаном застыла внизу у шлагбаума. За мою смену – третья. Первые две к всеобщему неудовольствию я завернул. Южане, кстати, парламентарии отменные. «Без мыла...», как говорить. Вот и эти – двое из ларца – кто кого «переулыбит». Южная фальшь.

Молчанье форты обманчиво. На самом деле все, включая поваров, на огневых точках. Ждут. Игра так игра.

Ставка! – карандашная дрожь на бумаге.

– Мало!

Переглянувшись – накидывают ещё. Удваиваю. Улыбочки – «в нитку»:

– Вай-вай, зарезал, совсем без ножа, слушай...

Загнул. Не без этого. Но ведь ведутся же, черти... Бегают глазки. Купюры – в рулонах. Тяжёлые. Первый. Второй. В обе ладони.

– Можно!.. Добро!..

Взлетает шлагбаум.

* * *

Часть «выигрыша» отдаю старшине. От веса купюр он весь поджигается, будто вот-вот и вприсядку:

– Ого!

Дальше – по-братски.

За риск командир берёт половину. Так принято. Я в этот раз взял больше. Сколько? Порядком... Бензин недёшев.

Утренний развод. Шуточки. Смех. Значит, прошло...

– Сми-ирна! Отставить! Р-равняйся! Нарядам... приказываю заступить...

Скоро домой, и голос мой свеж.

* * *

– Когда?

– Завтра.

– А задержаться? – отводит глаза.

– Ты же знаешь...

– ...

– Лика.

– ...

– Я человека убил.

– Это не птицу... тогда?..

– Да... или почти... Лика, вот деньги. На «угол» и койку. Не в Москве, конечно. Немного добавишь и хватит. Только не здесь...

– Бензовозы?

– Не важно.

– Спасибо. Знаешь, а я возьму. Пусть не уеду. Просто – фантом реальности... А тут много. Ты прямо Крез в погонах. Жалеть не станешь?

– Не знаю... возможно.

– А что, если рядом с тобой? В одном гордке...

– Не надо.

– Шучу, командир. Испугался? А вот что! – не хлопнуть ли нам, как ты говорил?..

– Почему «говорил»?..

– Потому что... Ты правда – убил?!

– ...

Головой на колени.

– У меня неразбавленный.

– Буду.

– Spiritus vini. За что?

– Глупый. Конечно, за нас...

* * *

Отъезжали под вечер, почти по-тёмному. Я обернулся. Вспыхнувший прожекторами «периметра» форт вновь показался мне космическим кораблём пришельцев...

На стыке лесополос бесцветно мелькнуло Мречетово.